

Контингентность события
в истории и художественном нарративе:
заметки об историзме «Войны и мира» Л.Н. Толстого

Анатолий В. Корчинский
*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, korchinsky@mail.ru*

Анна А. Кудалина
*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, Annkudalina000@gmail.com*

Аннотация. В статье анализируются особенности функционирования категории «события» в романе Л.Н. Толстого «Война и мир». Событийность рассматривается как на уровне «ментальном» (связанном с личными переживаниями персонажей), так и «историческом»: в обоих случаях повествователем используются понятия «случайности», «причинности» и «необходимости», значение которых варьируется в зависимости от контекста и, что немаловажно, реализуются в поэтике романного нарратива. Для анализа парадоксальной природы события в «Войне и мире» применяется концепт «контингентности», позволяющий учесть сложное соотношение «свободы» и «необходимости» в структуре романа.

Ключевые слова: Л.Н. Толстой, роман, историзм, событие, контингентность

Для цитирования: Корчинский А.В., Кудалина А.А. Контингентность события в истории и художественном нарративе: заметки об историзме «Войны и мира» Л.Н. Толстого // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2023. № 5. С. 52–62. DOI: 10.28995/2686-7249-2023-5-52-62

The contingency of an event in history and fiction. Notes on the historicism of Leo Tolstoy's "War and Peace"

Anatoly V. Korchinsky

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
korchinsky@mail.ru*

Anna A. Kudalina

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
Annkudalina000@gmail.com*

Abstract. The article analyses special features in the functioning of the category "Event" in Leo Tolstoy's novel "War and Peace". Eventivity is considered both at the level of "mental" (related to the personal experiences of the characters) and "historical": in both cases the narrator uses the concepts of "chance", "causality" and "necessity", the meaning of which varies depending on the context and, importantly, are realised in the poetics of the novel narrative. In order to analyze the paradoxical nature of the event in War and Peace, the concept of "contingency" is used to take into account the complex relationship between "freedom" and "necessity" in the structure of the novel.

Keywords: Leo Tolstoy, novel, historicism, event, contingency

For citation: Korchinsky, A.V. and Kudalina, A.A. (2023), "The contingency of an event in history and fiction. Notes on the historicism of Leo Tolstoy's 'War and Peace' ", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 5, pp. 52–62, DOI: 10.28995/2686-7249-2023-5-52-62

Будем исходить из того, что толстовские представления о событии, воплощенные в «Войне и мире», едины как для концептуальной (идеи, размышления), так и для нарративной (рассказ) линий романа, как для вымышленного сюжета, так и для исторического процесса, сплетающегося с ним в нерасторжимое единство диегетического мира.

Событийность у Толстого парадоксальна.

С одной стороны, по замечанию Г.С. Морсона, событие обладает гигантским диапазоном потенциальности и может оказаться как осмысленным, так и лишенным значения, как имеющим последствия, так и безрезультатным:

В начале романа «Война и мир» есть отрывок, привычный для Толстого. Сидя у смертного одра отца, Пьер с ужасом и трепетом замечает, что глаза отца устремлены на него. <...> И Толстой тоже колеблется,

потому что в мире «Войны и мира» всегда возможны обе части альтернативы – радикальное значение и радикальная незначительность. То, что кажется «заряженным смыслом», на самом деле может быть полностью лишено его¹ [Morson 1987, pp. 85–86].

С другой стороны, Толстой упорно доказывает, что события не только не допускают никакой свободы и произвольности (без которых невозможно потенциальность), но и сама эта категория (собственно, событие) по сути является искусственной, так как историческая ткань настолько тесно сплетена, что выявить в ней отдельные элементы невозможно. В различных контекстах романа, изображенных в разных повествовательных перспективах, события могут рассматриваться либо как слишком «перегруженные» причинностью, либо как вовсе беспричинные. «Ничто не причина. Всё это только совпадение тех условий, при которых совершается всякое жизненное, органическое, стихийное событие»². Например, матримониальные планы князя Василия разрушаются именно случайностью, вмешательством той самой стихийности, когда княжна Марья случайно слышит разговор Анатоля Курагина с француженкой. Таким образом, в полемике с представлением о возможности запланировать сам ход события и рождается высказывание о «стихийности» события.

Далее, с одной стороны, ключевыми событиями у Толстого, по В. Шмиду, являются события ментальные, то есть связанные с субъектом – как сюжетного действия, так и – предположительно – самого повествования [Шмид 2003, с. 12]. То есть те эпизоды романа, которые, например, в контексте романтической событийности обыкновенно становились «переломными», в «Войне и мире» зачастую лишаются этой значимости. Так авантюрное начало «похищения» Наташи не получает должной развязки, в то время как эпизод встречи в Отрадном, не имеющий значения с точки зрения «авантюрной» событийности становится метоной, тем самым «внутренним» событием, которое меняет вектор мыслей и чувств персонажа.

С другой стороны, как и в современной теории события [Бадью 2003; Романо 2017], у Толстого скорее событие конституирует субъекта, чем наоборот. Например, субъект может понять, что ментальное событие произошло, лишь через косвенные признаки и объекты (в «Войне и мире» можно вспомнить дуб, комету и др. предметы, по которым персонажи отслеживали произошедшие в них изменения). События личной и исторической жизни уравни-

¹ Цитата приводится в нашем переводе. – А. К., А. К.

² Толстой Л.Н. Полное собр. соч.: В 90 т. Т. 11. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1932. С. 7.

ниваются, оказываются одинаково важными вне зависимости от субъективного взгляда на них, но при этом подчеркивается неизбежность наличия разных точек зрения на одно и то же событие:

Каждое событие, случившееся в доме, было одинаково важно, одинаково радостно или печально для всех этих миров; но каждый мир имел совершенно свои, независимые от других, причины радоваться или печалиться какому-либо событию. Так приезд Пьера было радостное важное событие, и таким оно отразилось на всех³.

Представляется, что все эти парадоксы варьируют противопоставление более общего порядка – оппозицию случайности и необходимости. Читая «Войну и мир», невозможно решить, к какому полюсу склоняется повествователь при объяснении исторических событий, в том числе событий рассказываемой истории. Современный философ Клод Романо определяет событие как «необходимую случайность» [Романо 2017, с. 44]. Новизна события всегда «радикальна», оно всегда неожиданно и непредсказуемо, даже если присутствует в горизонте ожидания. Примечательное своей внутренней противоречивостью словосочетание отсылает к понятию контингентности, которая представляет собой соединение этих двух крайностей. Квентин Мейясу трактует контингентность как «чистую возможность: возможность, которая, может быть, никогда не осуществится» [Мейясу 2015, с. 89]. Возможность быть иным, чем он «является» направленному на него сознанию, это фундаментальная характеристика реального объекта. История у Толстого – это реальность, всегда иная по отношению к каким бы то ни было представлениям человека о ней.

Как и другие понятия (например, «событие» и «причина»), «необходимость» вводится Толстым по принципу «от противного» и связывается с критикой господствующих представлений об истории. В частности, мишенью Толстого становится идея «великой» личности:

Случайность и гениальность дают ему победу под Аустерлицем, и *случайно* все люди, не только французы, но и вся Европа, за исключением Англии, которая и не примет участия в имеющих совершиться событиях, все люди, несмотря на прежний ужас и отвращение к его преступлениям, теперь признают за ним его власть, название, которое он себе дал, и его идеал величия и славы, который кажется всем чем-то прекрасным и разумным⁴.

³ Там же. Т. 12. С. 273. Здесь и далее в цитатах курсив наш. – А. К., А. К.

⁴ Там же. С. 242.

«Случайность» идет в сочетании с «гениальностью» (в других эпизодах Толстой также критикует представления о «гении» и «случае»), что отсылает к романтической парадигме историзма, в которой одной из «крайностей» становится представление о мире и истории как абсолютном хаосе⁵. История в этой оптике осмысливается как некая неорганизованная стихия, которой по определению не может быть присущ никакой смысл. Важно, что «смысл» – понятие, связываемое обычно с мышлением. Повествователь же, размышляя о событии, имеет в виду некий объективно существующий и не зависящий от оценки человека смысл, который человек может каким-то иррациональным образом постичь.

В полемике с идеей «великой» личности, которой историки XIX в. зачастую делегировали роль той силы, которая заставляет события осуществляться, Толстой вводит понятие «необходимости», усиленной вариацией которого становится понятие «Провидение», лишенное, впрочем, отчетливого божественного ореола и вневременное по отношению к изображаемому миру. Толстой особо высоко ставит «личные интересы» людей и отмечает, что их реализация является причиной «мелких событий», которые соотносятся определенным образом с общим движением истории и совпадают с необходимостью:

И так точно, вследствие своих *личных свойств*, привычек, условий и целей, действовали все те неперечислимые лица, участники этой войны. Они боялись, тщеславились, радовались, негодовали, рассуждали, полагая, что они знают то, что они делают, и что делают для себя, *а все были произвольными орудиями истории* и производили скрытую от них, но понятную для нас работу. Такова неизменная судьба всех практических деятелей, и тем несвободнее, чем выше они стоят в людской иерархии⁶.

Далее Толстой радикализирует свою позицию:

Провидение заставляло всех этих людей, стремясь к достижению своих личных целей, содействовать исполнению одного огромного результата, о котором ни один человек (ни Наполеон, ни Александр, ни еще менее кто-либо из участников войны) не имел ни малейшего чаяния⁷.

⁵ Об этом, в частности, пишет Х. Уайт в «Метаистории» [Уайт 2002, с. 174].

⁶ Толстой Л.Н. Указ. соч. Т. 11. С. 98.

⁷ Там же. С. 99.

В этих двух отрывках выражается одно из типичных описаний роли актора в историческом процессе. Во-первых, Толстой уравнивает всех, кто находится в поле исторического (что мы отмечали, говоря о значимости мелких событий), во-вторых, он указывает на то, что, следуя своим частным устремлениям, люди неосознанно выполняют свою предназначенную заранее необходимую «роль» в совершении события, которое происходило при этом без возможности его рационального осмысления.

Как и многие другие концепты в романе, представление о «личных причинах» амбивалентно, и оба смысла, восстанавливаемых из контекста, носят прямо противоположный характер. Как мы отмечали выше, следование «личным интересам» является самым приемлемым для повествователя способом участия в историческом процессе, которое оказывается активным в отношении частной жизни, но пассивным (в положительном, согласно Толстому, смысле) в рамках истории. Это актуализирует также проблему существования «действительности», которая определяет ход события, а также «распределяет» сами эти частные устремления:

Рассказы, описания того времени все без исключения говорят только о самопожертвовании, любви к отечеству, отчаянии, горе и геройстве русских. *В действительности же это так не было.* Нам кажется это только так потому, что мы видим из прошедшего один общий исторический интерес того времени и не видим всех тех личных, человеческих интересов, которые были у людей. А между тем в действительности те *личные интересы* настоящего в такой степени значительнее общих интересов, что из-за них никогда не чувствуется (вовсе не заметен даже) интерес общий. Большая часть людей того времени не обращали никакого внимания на общий ход дел, а руководились только личными интересами настоящего. И эти-то люди были самыми полезными деятелями того времени⁸.

«Случайность» множественных «личных дел» не просто «сопрягается» в «необходимость», но и оказывается необходимой именно в качестве случайности.

В эпизодах, предшествующих помолвке Пьера и Элен, описывается это «сцепление» (и совпадение) личных планов и самой необходимости. Несмотря на то, что эта помолвка от и до срежиссирована князем Василием и Анной Павловной Шерер, Толстой показывает, что Пьер полностью осознает совершаемую им ошибку и «отуманенность» собственного разума, но принимая решение

⁸ Там же. Т. 12. С. 14.

подчиниться «уже сложившемуся» порядку. Он активно выбирает быть пассивным – действие, которое «необходимо» приведет его к будущим ментальным событиям «прозрения» и обретения настоящей любви. Та же активная пассивность свойственна толстовскому Кутозову, который таким же образом принимает тот факт, что Москва должна быть оставлена.

Мы уже отмечали, что событие у Толстого – это не просто то, что случается с субъектом, но именно то, что полностью меняет его систему представлений и ожиданий. В эпизоде помолвки у Пьера меняется сам взгляд (то есть способ видения):

Он видел не ее мраморную красоту, составлявшую одно целое с ее платьем, он видел и чувствовал всю прелесть ее тела, которое было закрыто только одеждой. *И, раз увидав это, он не мог видеть иначе, как мы не можем возвратиться к раз объясненному обману*⁹.

В конце эпизода Пьер чувствует (что важно – не рационально выводит, но угадывает) то, что необходимость «сложилась» определенным образом, и порядок реальности – контингентный – изменился:

И в ту же минуту Пьер почувствовал, что Элен не только могла, но должна быть его женою, что это не может быть иначе. Он знал это в эту минуту так же верно, как бы он знал это, стоя под венцом с нею. Как это будет и когда, он не знал; не знал даже, хорошо ли это будет (ему даже чувствовалось, что это нехорошо почему-то), но он знал, что это будет¹⁰.

Усилия князя Василия, представляющиеся ему удачным предприятием, оказываются, таким образом, тавтологичными: одно и то же событие является одновременно и случайно-субъективным, и необходимо-объективным – необходимо случайным.

Точно так же, как в «романных» и «исторических» эпизодах мы видим событие в различных пространственно-временных перспективах, в виде масштабного монтажа «точек зрения» во второй части эпилога представлено рассуждение об истории как процессе и истории как науке. И здесь главной интригой оказывается игра свободы и необходимости. Критика современной историографии заключается в том, что она не может учесть главный парадокс предмета исторического познания – человека, помывшись в качестве

⁹ Там же. Т. 9. С. 251–252.

¹⁰ Там же. С. 252.

закономерного и необходимого то, что по самой своей сути является свободным, «ибо как только нет свободы, нет и человека»¹¹. Толстой пишет об этой основной трудности:

Вопрос состоит в том, что, глядя на человека, как на предмет наблюдения с какой бы то ни было точки зрения, – богословской, исторической, этической, философской, – мы находим общий закон необходимости, которому он подлежит так же, как и все существующее. Глядя же на него из себя, как на то, что мы сознаем, мы чувствуем себя свободными¹².

Свобода и необходимость становятся релятивными, количественными характеристиками, увеличиваясь в зависимости от того, с какой временной дистанции мы наблюдаем события, в каких отношениях к миру находится их участник, что мы знаем о причинах произошедшего и т. д.

Как в таких условиях возможно понимание истории? Новая историческая наука должна быть подобна астрономии, физике или математике и, стремясь найти объективные законы, она может пренебречь свободой и случайностью, свести их к бесконечно малым величинам, счесть «неизвестным остатком от того, что мы знаем о законах жизни человека»¹³. При этом, однако, «как неопределимая сущность силы,двигающей небесные тела, неопределимая сущность силы тепла, электричества, или силы химического средства, или жизненной силы составляют содержание астрономии, физики, химии, ботаники, зоологии и т. д., точно так же сущность силы свободы составляет содержание истории»¹⁴. История, как и другие науки, занятые только одной стороной действительности, находится в поле «разума», эмпирического знания о законах необходимости. Свободой же, то есть «сознанием», занята «метафизика».

Однако в каком пространстве эти две точки зрения на человека в истории могут сойтись? Об этом Толстой не говорит «концептуально», но можно предположить, что такой областью, способной учесть случайность и обусловленность, переживание события изнутри и взгляд на него из исторической ретроспективы, свободу и необходимость в их противоречивом единстве (т. е. контингентность) может стать художественное воображение и – с определенными оговорками – литературное письмо. Почему? Потому, что

¹¹ Там же. Т. 12. С. 335.

¹² Там же. С. 323.

¹³ Там же. С. 337.

¹⁴ Там же.

это, с одной стороны, описание действительности не непосредственное, а неустранимо опосредованное чьей-то оптикой, чьим-то субъективным взглядом, а с другой стороны, способное не просто дать почувствовать относительность любой точки зрения, но и поставить под вопрос сам механизм обязательной соотнесенности (корреляции) какого-либо субъекта с наблюдаемой им действительностью, позитивно утверждая ее автономное существование в качестве «необходимо случайной», т. е. контингентной.

Так, например, Толстой цитирует отрывок из сочинения Тьера, в котором описывается встреча Наполеона с казаком, будто бы не узнавшим императора, чтобы затем, поместив этого персонажа уже в романное повествование, не только «опровергнуть» таким образом концепцию французского историка (казак Лаврушка служит у Николая Ростова и при встрече с Наполеоном лишь притворяется, что не узнал его), но и указать на тщательно скрываемую, но неизбежно присутствующую сконструированность историографического нарратива.

Что-то подобное Толстой делает и в следующем пассаже:

Если я рассматриваю поступок, совершенный секунду тому назад, я все-таки должен признать несвободу поступка, так как поступок закован тем моментом времени, в котором он совершен. Могу ли я поднять руку? Я поднимаю ее; но спрашиваю себя: мог ли я не поднять руки в тот прошедший уже момент времени? Чтобы убедиться в этом, я в следующий момент не поднимаю руки. Но я не поднял руки не в тот первый момент, когда я спросил себя о свободе. Прошло время, удерживать которое было не в моей власти, и та рука, которую я тогда поднял, и тот воздух, в котором я тогда сделал то движение, уже не тот воздух, который теперь окружает меня, и не та рука, которой я теперь не делаю движения. Тот момент, в который совершилось первое движение, невозвратим, и в тот момент я мог сделать только одно движение, и какое бы я ни сделал движение, движение это могло быть только одно. То, что я в следующую минуту не поднял руки, не доказало того, что я мог не поднять ее. И так как движение мое могло быть только одно в один момент времени, то оно и не могло быть другое. Для того чтобы представить его себе свободным, надо представить его себе в настоящем, в грани прошедшего и будущего, то есть вне времени, что невозможно¹⁵.

Эта бесконечная трудность постижения парадоксальной свободы-в-необходимости напоминает нам знаменитую нарративную дилемму Толстого, известную как «История вчерашнего дня»,

¹⁵ Там же. С. 333–334.

которую не представляется возможным написать, так как время предстает как слоющаяся фрактальная структура, ускользающая от сколь бы то ни было адекватного схватывания. То есть проблема постижения контингентного события коренным образом связана не столько с историческим дискурсом, сколько именно с конститутивным противоречием (и даже в каком-то смысле «невозможностью») самого повествования, лежащим в основании дискурса художественного.

Вероятно, в том числе поэтому «невозможную» связь свободы и необходимости в исторической действительности Толстой мыслит в эстетических категориях формы и содержания: «Свобода есть то, что рассматривается. Необходимость есть то, что рассматривает. Свобода есть содержание. Необходимость есть форма»¹⁶. То, качество чего определяется через гармонию формы и содержания, то есть произведение, таким образом, предъявляет самое себя как, с одной стороны, критику исторического мышления, с другой стороны, как медиум истории.

Литература

- Бадью 2003 – *Бадью А.* Манифест философии. СПб.: Machina, 2003. 184 с.
Мейясу 2015 – *Мейясу К.* После конечности. Эссе о необходимости контингентности. Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый, 2015. 196 с.
Романо 2017 – *Романо К.* Авантюра времени. М.: РИПОЛ классик, 2017. 220 с.
Уайт 2002 – *Уайт Х.* Метаистория: историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. 528 с.
Шмид 2003 – *Шмид В.* Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.
Morson 1987 – *Morson G.-S.* Hidden in plain view: Narrative and Creative Potentials in 'War and Peace'. Stanford: Stanford University Press, 1987. 323 p.

References

- Badiou, A. (2003), *Manifest filosofii* [Manifesto for philosophy], Machina, Saint Petersburg, Russia.
Meillassoux, Q. (2015), *Posle konechnosti. Esse o neobkhodimosti kontingentnosti* [After Finitude. An Essay on the Necessity of Contingency], Kabinetnyi uchenyi, Ekaterinburg, Moscow, Russia.
Morson, G.-S. (1987), *Hidden in plain view: Narrative and Creative Potentials in 'War and Peace'*, Stanford University Press, Stanford, UK, 1987.

¹⁶ Там же. С. 336.

- Romano, C. (2017), *Avantyura vremeni* [Event and Time], RIPOL klassik, Moscow, Russia
- Schmied, W. (2003), *Narratologiya* [Narratology], Yazyki slavyanskoi kul'tury, Moscow, Russia.
- White, H. (2002), *Metaistoriya: istoricheskoe voobrazhenie v Evrope XIX veka* [Metahistory. The Historical Imagination in 19th-century Europe], Izd-vo Ural. un-ta, Ekaterinburg, Russia.

Информация об авторах

Анатолий В. Корчинский, кандидат филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; korchinsky@mail.ru

Анна А. Кудалина, магистрант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; Annkudalina000@gmail.com

Information about the authors

Anatoly V. Korchinsky, Cand. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; korchinsky@mail.ru

Anna A. Kudalina, master's degree student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; Annkudalina000@gmail.com